

Они выбрали Россию: Истории из жизни иностранцев в РФ

Ганс, 11 лет, немец. Не хочу быть "немцем"!

Сама игра в войну меня покорила и даже испугала. То, что русские дети в неё увлечённо играют, я видела даже из окна нашего нового дома в большом саду на окраине. Мне казалось диким, что мальчики 10-12 лет могут с таким азартом играть в убийство. Я даже поговорила об этом с классной руководительницей Ганса, но она совершенно неожиданно, внимательно меня выслушав, спросила

, играете ли Ганс в компьютерные игры со стрельбой и знаю ли я, что там показывают на экране? Я смутилась и не нашлась с ответом. Дома, я имею в виду, в Германии, я была не очень довольна тем, что он много сидит за такими игрушками, но так его по крайней мере не тянуло на улицу, и я могла быть за него спокойна. Кроме того, компьютерная игра - это ведь не реальность, а тут всё происходит с живыми детьми, разве нет? Я даже хотела это сказать, но вдруг остро ощутила свою неправоту, для которой у меня тоже не нашлось слов. Классная руководительница смотрела на меня очень внимательно, но по-доброму, и потом сказал мягко и доверительно: "Послушайте, вам тут будет непривычно, поймите. Но ваш сын - не вы, он мальчик, и, если вы не станете ему мешать расти, как здешние дети, то с ним не произойдёт ничего плохого - разве что тоже только непривычное. А на самом деле плохие вещи, я думаю, одинаковы и у нас, и в Германии." Мне показалось, что это мудрые слова, и я немного успокоилась.

Раньше сын никогда не играл в войну и даже не держал в руках игрушечного оружия. Надо сказать, он не часто просил у меня какие-то подарки, довольствуясь тем, что покупала ему я или что он сам покупал на карманные деньги. Но тут он очень настойчиво стал просить у меня игрушечный автомат, потому что ему не нравится играть чужими, хотя ему даёт оружие один мальчик, который ему очень нравится - он назвал мальчика, и я заранее этого нового друга невзлюбила. Но отказывать не хотелось, тем более, что, посидев с самого начала над расчётами, я поняла поразительную вещь: жизнь в России - дешевле, чем у нас, просто очень непривычен её внешний антураж и какая-то беспечность и непричёсанность. В майские выходные (их тут несколько) мы пошли за

покупками; новый друг Ганса присоединился к нам, и я вынуждена была изменить своё мнение о нём, хотя и не сразу, потому что он явился босиком, и на улице, идя рядом с мальчиками, я была натянута, как струна - мне казалось каждую секунду, что сейчас нас просто задержат, и мне придётся объяснять, что я не мать этого мальчика. Но несмотря на его внешний вид, он оказался очень воспитанным и культурным. Кроме того, в Австралии я видела, что многие дети тоже ходят примерно в таком виде.

Покупка производилась со знанием дела, с обсуждением оружия и даже его примеркой. Я чувствовала себя главарём банды. В конце концов мы купили какой-то пистолет (мальчики его называли, но я забыла) и автомат, в точности такой, какими пользовались наши, немецкие солдаты в последнюю Мировую войну. Теперь мой сын был вооружён и мог принимать участие в боевых действиях.

Уже позже я узнала, что сами боевые действия ему доставили сперва немало огорчений. Дело в том, что у русских детей есть традиция делиться в такой игре на команды с названиями настоящих народов - как правило, тех, с которыми русские воевали. И, конечно, почётным считается быть "русским", из-за раздела на команды даже возникают драки. После того, как Ганс принёс в игру своё новое оружие такого характерного вида - его тут же записали в "немцы". В смысле, в гитлеровские нацисты, чего он, разумеется, не хотел.

Ему возражали, причём с точки зрения логики вполне резонно: "Почему не хочешь, ты же немец!" "Но я не такой немец!" - вопил мой несчастный сын. Он уже успел посмотреть по телевидению несколько очень неприятных фильмов и, хотя я понимаю, что показанное там - правда, и мы на самом деле виноваты, но мальчику одиннадцати лет объяснить это трудно: "таким" немцем он быть наотрез отказывался.

Выручил Ганса, да и всю игру, тот самый мальчик, новый друг моего сына. Я передаю его слова так, как мне их передал Ганс - видимо, дословно: "Тогда знаете что?! Будем все вместе воевать против американцев!"

Это совершенно безумная страна. Но мне тут нравится, и моему мальчику тоже.

Макс, 13 лет, немец. Кража со взломом из соседского погреба (не первая кража со взломом на его счету, но первая - в России)

Пришедший к нам участковый был очень вежлив. Это вообще общее место у русских - к иностранцам из Европы они относятся робко-вежливо-настороженно, очень много нужно времени, чтобы тебя признали "своим". Но вещи, которые он говорил, нас напугали. Оказывается, Макс совершил УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ - КРАЖУ СО ВЗЛОМОМ! И нам повезло, что ему ещё нет 14 лет, иначе мог бы рассматриваться вопрос о сроке реального заключения до пяти лет! То есть, от преступления по полной ответственности его отделяли те три дня, которые оставались до его дня рождения! Мы не верили своим ушам. Оказывается, в России с 14 лет можно по-настоящему сесть в тюрьму! Мы пожалели, что приехали. На наши робкие расспросы - мол, как же так, почему ребёнок должен отвечать с такого возраста - участковый удивился, мы просто не

поняли друг друга. Мы привыкли, что в Германии ребёнок находится в сверхприоритетном положении, максимум, что грозило бы Макс за такое на старой родине - профилактическая беседа. Впрочем, участковый сказал, что всё-таки едва ли суд назначил бы нашему сыну даже после 14 лет настоящий тюремный срок; это очень редко делают с первого раза за преступления, не связанные с покушением на безопасность личности. Ещё нам повезло, что соседи не написали заявления (в России это играет большую роль - без заявления пострадавшей стороны не рассматривают и более серьёзные преступления), и нам не придётся даже платить штраф. Нас это тоже удивило - сочетание такого жестокого закона и такой странной позиции людей, не желающих им пользоваться. Помявшись перед самым уходом, участковый спросил, склонен ли Макс вообще к асоциальному поведению. Пришлось признать, что склонен, более того - ему не нравится в России, но связано это, конечно с периодом взросления и должно пройти с возрастом. На что участковый заметил, что мальчишку надо было выдрать после первой же его выходки, и дело с концом, а не ждать, пока он вырастет в вора. И ушёл.

Нас это пожелание из уст стража порядка тоже поразило. Мы, честно говоря, и не думали в тот момент, как близки к исполнению пожеланий офицера.

Сразу после его ухода муж поговорил с Максом и потребовал от него пойти к соседям, извиниться и предложить отработать ущерб. Начался грандиозный скандал - Макс наотрез отказывался так поступать. Дальнейшее описывать я не буду - после очередного очень грубого выпада в наш адрес сына муж сделал именно так, как советовал участковый. Сейчас я осознаю, что это выглядело и было более смешно, чем на самом деле сурово, но тогда это поразило меня и потрясло Макса. Когда муж его отпустил - сам потрясённый тем, что сделал - наш сын убежал в комнату. Видимо, это был катарсис - до него вдруг дошло, что отец намного сильнее физически, что ему некуда и некому пожаловаться на "родительское насилие", что от него ТРЕБУЕТСЯ возместить ущерб самому, что он находился в шаге от настоящих суда и тюрьмы. В комнате он плакал, не напоказ, а по-настоящему. Мы сидели в гостиной, как две статуи, ощущая себя настоящими преступниками, более того - нарушителями табу. Мы ждали требовательного стука в дверь. В наших головах роились ужасные мысли - о том, что сын перестанет нам доверять, что он совершит самоубийство, что мы нанесли ему тяжкую психическую травму - в общем, множество тех слов и формул, которые мы заучили на психотренингах ещё до рождения Макса.

К ужину Макс не вышел и крикнул всё ещё со слезами, что будет есть в своей комнате. К моему удивлению и ужасу муж ответил, что в этом случае ужина Макс не получит, а если он не будет сидеть за столом через минуту, то не получит и завтрака.

Макс вышел через полминуты. Я таким его ещё никогда не видела. Впрочем, мужа я тоже не видела таким - он отправил Макса умываться и приказал, когда тот вернулся, попросить сперва прощенья, а потом разрешения сесть за стол. Я была поражена - Макс делал всё это, угрюмо, не поднимая на нас глаз. Перед тем, как начать есть, муж сказал: "Послушай, сынок. Русские воспитывают своих детей именно так, и я буду тебя воспитывать так. Глупости кончились. Я не хочу, чтобы ты попал за решётку, думаю - ты

тоже этого не хочешь, и ты слышал, что сказал офицер. Но я не хочу ещё и того, чтобы ты вырос бесчувственным бездельником. И вот тут мне плевать на твоё мнение. Завтра ты пойдёшь к соседям с извинениями и будешь работать там и так, где и как они скажут. Пока не отработаешь сумму, которой ты их лишил. Ты понял меня?"

Макс несколько секунд молчал. Потом поднял глаза и ответил негромко, но отчётливо: "Да, пап."

Вы не поверите, но у нас не просто более не было нужды в таких диких сценах, как разыгравшаяся в гостиной после ухода участкового - нашего сына словно бы подменили. Первое время я даже боялась этой перемены. Мне казалось, что Макс затаил обиду. И только через месяц с лишним я поняла, что ничего подобного нет. И ещё я поняла гораздо более важную вещь. В нашем доме и за наш счёт много лет жил маленький (и уже не очень маленький) деспот и бездельник, который вовсе нам не доверял и не смотрел на нас, как на друзей, в чём нас убеждали те, по чьим методикам мы его "воспитывали" - он нас втайне презирал и нами умело пользовался. И виноваты в этом были именно мы - виноваты в том, что вели себя с ним так, как нам внушили "авторитетные специалисты". С другой стороны - был ли в Германии у нас выбор? Нет, не было, честно говоря себе. Там на страже нашего страха и детского эгоизма Макса стоял нелепый закон. Здесь выбор - есть. Мы его сделали, и он оказался верным. Мы счастливы, а главное - на самом деле счастлив Макс. У него появились родители. А у меня и мужа - сын. А у нас - СЕМЬЯ.

Микко, 10 лет, финн. Настучал на одноклассников

Его вчетвером избили одноклассники. Как мы поняли - избили не очень сильно, сбили с ног и настучали рюкзаками. Причиной было то, что Микко наткнулся на двоих из них, курящих за школой в саду. Ему тоже предложили курить, он отказался и тут же сообщил об этом учительнице. Она наказала маленьких курильщиков, отобрала у них сигареты и заставив мыть полы в классе (что нас само по себе поразило в этой истории). Микко она не назвала, но догадаться о том, кто рассказал про них, было легко.

Он был в полном расстройстве и не столько даже переживал побои, сколько недоумевал - разве о таких вещах не надо докладывать учительнице?! Пришлось объяснить ему, что у русских детей не принято так делать, напротив - принято молчать о таких вещах, даже если напрямую спросят взрослые. Мы были злы и на себя - мы не объяснили этого сыну. Я предложила мужу рассказать учительнице или поговорить с родителями тех, кто участвовал в нападении на Микко, однако, обсудив этот вопрос, мы отказались от таких действий. Между тем наш сын не находил себе места. "Но тогда получается, что теперь меня будут презирать?!" - спросил он. Он был в ужасе. Он был похож на человека, попавшего к инопланетянам и обнаружившего, что ничего не знает об их законах. А мы ничего не могли ему посоветовать, потому что ничто из предыдущего опыта нам не подсказывало, как тут быть. Меня лично злила здесь какая-то русская двойная мораль - разве можно учить детей говорить правду и тут же приучать, что говорить правду нельзя?! Но в то же время мучили меня и какие-то сомнения - что-то мне подсказывало: не всё так просто, хотя сформулировать это я не могла. Муж между тем думал - лицо у

него было угрюмое. Вдруг он взял Микко за локти, поставил перед собой и сказал ему, сделав мне жест, чтобы я не вмешивалась: "Завтра просто скажи тем ребятам, что ты не хотел доносить, ты не знал, что нельзя и ты просишь прощения. Они станут над тобой смеяться. И тогда ты ударишь того, кто засмеётся первым." "Но папа, они меня по-настоящему изобьют!" - захныкал Микко. "Я знаю. Ты будешь отбиваться и тебя изобьют, потому что их много. Но ты сильный, и ты тоже успеешь ударить не раз. А потом, на следующий день, ты снова повторишь то же самое и, если кто-то засмеётся, ты снова его ударишь." "Но папаааа!" - Микко почти взвыл, однако отец его оборвал: "Ты сделаешь так, как я сказал, понял?!" И сын кивнул, хотя на глазах у него были слёзы. Отец ещё добавил: "Я узнаю специально, был разговор или нет."

На следующий день Микко побили. Довольно сильно. Я не находила себе места. Муж тоже мучился, я это видела. Но к нашему изумлению и радости Микко, через день драки не было. Он прибежал домой очень весёлый и вздохнул, рассказав, что он сделал так, как велел отец, и никто не стал смеяться, только кто-то буркнул: "Да хватит, слышали уже все..." Самое странное на мой взгляд, что с этого момента класс принял нашего сына совершенно за своего, и никто не напоминал ему о том конфликте.

Зорко, 13 лет, серб. О безопасности русских

Сама страна Зорко очень понравилась. Дело в том, что он не помнит, как бывает, когда нет войны, взрывов, террористов и прочего. Он родился как раз во время Отечественной Войны 99-го и фактически всю жизнь прожил за колючей проволокой в анклав, а у меня над кроватью висел автомат. Два ружья с картечью лежали на шкафу у внешнего окна. Пока мы не оформили тут два ружья, Зорко был в постоянном беспокойстве. Ещё его настораживало, что окна комнаты выходят на лес. В общем, попасть в мире, где никто не стреляет иначе как в лесу на охоте, для него было настоящим откровением. Старшая наша девочка и младший брат Зорко всё приняли намного быстрее и спокойней в силу своего возраста.

Но больше всего моего сына поразило и ужаснуло то, что русские дети невероятно беспечны. Они готовы дружить с кем угодно, как говорят русские взрослые "лишь бы человек был хороший". Зорко быстро с ними сошёлся, и то, что он перестал жить в постоянном ожидании войны - в основном их заслуга. Но нож с собой он носить так и не перестал, и ещё с его лёгкой руки почти все мальчики из его класса стали носить с собой какие-то ножи. Просто потому, что мальчишки хуже обезьян, подражание у них в крови.

Так вот о беспечности. В школе учатся несколько мусульман из разных народов. Русские дети с ними дружат. Зорко с первого же дня поставил границу между собой и "муслиманцы" - он их не замечает, если те достаточно далеко, если оказываются рядом - третирует, отталкивает, чтобы куда-то пройти, резко и ясно угрожает побоями даже в ответ на обычный взгляд, говоря, что на серба и "православца" в России они не имеют права поднимать глаза. У русских детей подобное поведение вызвало изумление, у нас даже были некоторые, небольшие, правда, проблемы со школьным начальством. Сами эти мусульмане вполне мирные, я бы даже сказал - вежливые люди. Я говорил с сыном,

но он ответил мне, что я хочу обмануть сам себя и что я сам ему рассказывал, что на Косове они тоже были сначала вежливые и мирные, пока их было мало. Русским мальчикам он тоже про это рассказывал много раз и всё время повторяет, что они слишком добрые и слишком беспечные. Ему тут очень нравится, он буквально оттаял, но при этом мой сын убеждён, что нас и здесь ждёт война. И, похоже, готовится воевать всерьёз.

Энн, 16 лет и Билл, 12 лет, американцы. Что такое работа?

Предложения поработать бэбиситтером вызывали у людей либо недоумение, либо смех. Энн была крайне расстроена и очень удивилась, когда я пояснил ей, заинтересовавшись проблемой, что у русских не принято нанимать людей для наблюдения за детьми старше 7-10 лет - они сами играют, сами гуляют и вообще вне школы или каких-то кружков и секций предоставлены самим себе. А за детьми младшего возраста чаще всего наблюдают бабушки, иногда - матери, и только для совсем малышей состоятельные семьи нанимают иногда нянь, но это бывают не девочки-старшеклассницы, а женщины с солидным опытом, зарабатывающие этим на жизнь.

Так моя дочь осталась без заработка. Ужасная потеря. Страшные русские обычаи.

Через короткое время удар был нанесён и Биллу. Русские очень странный народ, они не стригут свои газоны и не нанимают детей на развозку почты. Работа, которую нашёл Билл, оказалась "работой на плантации" - за пятьсот рублей он полдня вскапывал ручной лопатой здоровенный огород у какой-то милой старушки. То, во что он превратил свои руки, напоминало отбивные с кровью. Впрочем, в отличие от Энн, сынок отнёсся к этому скорее с юмором и уже вполне серьёзно заметил, что это может стать неплохим бизнесом, когда руки попривыкнут, надо только развесить объявления, желательно цветные. Энн он предложил войти в долю с прополкой - опять же ручным выдёргиваньем сорняков - и они тут же поругались.

Чарли и Чарлин, 9 лет, американцы. Особенности русского мироощущения в сельской местности.

У русских есть две неприятные особенности. Первая - что в разговоре они норовят схватить тебя за локоть или плечо. Вторая - они невероятно много пьют. Нет, я знаю, что на самом деле многие народы на Земле пьют больше русских. Но русские пьют очень открыто и даже с каким-то удовольствием.

Тем не менее, эти недостатки вроде бы искупались замечательной местностью, в которой мы поселились. Это была просто-напросто сказка. Правда, сам населённый пункт напоминал населённый пункт из фильма-катастрофы. Муж сказал, что здесь так почти везде и что на это не стоит обращать внимания - люди тут хорошие.

Я не очень поверила. А наши близнецы были, как мне казалось, немного напуганы происходящим.

Окончательно повергло меня в ужас то, что в первый же учебный день, когда я как раз собиралась подъехать за близнецами на нашей машине (до школы было около мили), их уже привёз прямо к дому какой-то не совсем трезвый мужик на жутком полуржавом джипе, похожем на старые форды. Передо мной он долго и многословно извинялся за что-то, ссылаясь на какие-то праздники, рассыпался в похвалах моим детям, передал от кого-то привет и уехал. Я обрушилась на моих невинных ангелочков, бурно и весело обсуждавших первый день учёбы, со строгими вопросами: разве мало я им говорила, чтобы они НИКОГДА НЕ СМЕЛИ ДАЖЕ БЛИЗКО ПОДХОДИТЬ К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ?! Как они могли сесть в машину к этому человеку?!

В ответ я услышала, что это не чужой человек, а заведующий школьным хозяйством, у которого золотые руки и которого все очень любят, и у которого жена работает поваром в школьной столовой. Я обмерла от ужаса. Я отдала своих детей в притон!!! А так всё мило казалось с первого взгляда... У меня в голове крутились многочисленные истории из прессы о царящих в русской глубинке диких нравах...

Не стану далее вас интриговать. Жизнь здесь оказалась на самом деле замечательной, и особенно замечательной для наших детей. Хотя боюсь, что я получила немало седых волос из-за их поведения. Мне невероятно трудно было привыкнуть к самой мысли, что девятилетние (и десяти-, и так далее позже) мои дети по здешним обычаям считаются во-первых более чем самостоятельными. Они уходят гулять со здешними ребятами на пять, восемь, десять часов - за две, три, пять миль, в лес или на жуткий совершенно дикий пруд. Что в школу и из школы тут все ходят пешком, и они тоже вскоре начали поступать так же - я уже просто не упоминаю. А во-вторых, тут дети во многом считаются общими. Они могут, например, зайти всей компанией к кому-нибудь в гости и тут же пообедать - не выпить чего-нибудь и съесть пару печений, а именно плотно пообедать, чисто по-русски. Кроме того, фактически каждая женщина, в поле зрения которой они попадают, тут же берёт на себя ответственность за чужих детей как-то совершенно автоматически; я, например, научилась так поступать только на третий год нашего тут пребывания.

С ДЕТЬМИ ЗДЕСЬ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ СЛУЧАЕТСЯ. Я имею в виду - им не грозит никакая опасность от людей. Ни от каких. В больших городах, насколько мне известно, ситуация больше похожа на американскую, но здесь это так и именно так. Конечно, дети сами могут нанести себе немалый вред, и я первое время пыталась это как-то контролировать, но это оказалось просто невозможно. Меня сперва поразило, насколько бездушны наши соседи, которые на вопрос о том, где их ребёнок, отвечали совершенно спокойно "бегает где-то, к обеду прискачет!" Господи, в Америке это - подсудное дело, такое отношение! Прошло немало времени, прежде чем я поняла, что эти женщины намного мудрее меня, а их дети куда приспособленней к жизни, чем мои - по крайней мере, какими они были в начале.

Мы, американцы, гордимся своими навыками, умениями и практичностью. Но, пожив здесь, я поняла с печалью, что это - сладкий самообман. Может быть - когда-то было так. Сейчас мы - и особенно наши дети - рабы комфортабельной клетки, в прутья которой пропущен ток, совершенно не допускающий нормального, свободного развития

человека в нашем обществе. Если русских каким-то образом отучить пить - они легко и без единого выстрела покорят весь современный мир. Это я заявляю ответственно.

Адольф Брейвик, 35 лет, швед. Отец троих детей.

То, что русские, взрослые, могут ссориться и скандалить, что под горячую руку может вздуть жену, а жена отхлестать полотенцем ребёнка - НО ПРИ ЭТОМ ОНИ ВСЕ НА САМОМ ДЕЛЕ ЛЮБЯТ ДРУГ ДРУГА И ДРУГ БЕЗ ДРУГА ИМ ПЛОХО - в голову человека, переделанного под принятые в наших родных краях стандарты, просто не укладывается. Я не скажу, что я это одобряю, такое поведение многих русских. Я не считаю, что бить жену и физически наказывать детей - это верный путь, и сам я так никогда не делал и не стану делать. Но я просто призываю понять: семья здесь - это не просто слово. Из русских детских домов дети убегают к родителям. Из наших лукаво названных "замещающих семей" - практически никогда. Наши дети до такой степени привыкли, что у них в сущности нет родителей, что они спокойно подчиняются всему, что делает с ними любой взрослый человек. Они не способны ни на бунт, ни на побег, ни на сопротивление, даже когда дело идёт об их жизни или здоровье - они приучены к тому, что являются собственностью не семьи, а ВСЕХ СРАЗУ.

Русские дети - бегут. Бегут нередко в ужасающие бытовые условия. При этом в детских домах России вовсе не так страшно, как мы привыкли представлять. Регулярная и обильная еда, компьютеры, развлечения, уход и присмотр. Тем не менее побег "домой" очень и очень часты и встречают полное понимание даже среди тех, кто по долгу службы возвращает детей обратно в детский дом. "А чего вы хотите? - говорят они совершенно непредставимые для нашего полицейского или работника опеки слова. - Там же ДОМ." А ведь надо учесть, что в России нет и близко того антисемейного произвола, который царит у нас. Чтобы русского ребёнка отобрали в детский дом - в его родной семье на самом деле должно быть УЖАСНО, поверьте мне.

Нам трудно понять, что, в общем-то, ребёнок, которого нередко бьёт отец, но при этом берёт его с собой на рыбалку и учит владеть инструментами и возиться с машиной или мотоциклом - может быть гораздо счастливей и на самом деле гораздо счастливей, чем ребёнок, которого отец и пальцем не тронул, но с которым он видится пятнадцать минут в день за завтраком и ужином. Это прозвучит крамольно для современного западного человека, но это правда, поверьте моему опыту жителя двух парадоксально разных стран. Мы так постарались по чьей-то недоброй указке создать "безопасный мир" для своих детей, что уничтожили в себе и в них всё человеческое. Только в России я действительно понял, с ужасом понял, что все те слова, которыми оперируют на моей старой родине, разрушая семьи - на самом деле являются смесью несусветной глупости, порождённой большим рассудком и самого отвратительного цинизма, порождённого жадной поощрений и страхом потерять своё место в органах опеки. Говоря о "защите детей", чиновники в Швеции - и не только в Швеции - разрушают их души. Разрушают бесстыдно и безумно. Там я не мог сказать этого открыто. Здесь - говорю: моя несчастная родина тяжело больна отвлечёнными, умозрительными "правами детей", ради соблюдения которых убиваются счастливые семьи и калечатся живые дети.

Дом, отец, мать - для русского это вовсе не просто слова-понятия. Это слова-символы, почти сакральные заклинания.

Поразительно, что у нас такого - нет. Мы не ощущаем связи с местом, в котором живём, даже очень комфортабельным местом. Мы не ощущаем связи с нашими детьми, им не нужна связь с нами. И, по-моему, всё это было отобрано у нас специально. Вот - одна из причин, по которой я сюда приехал. В России я могу ощущать себя отцом и мужем, моя жена - матерью и женой, наши дети - любимыми детьми. Мы люди, свободные люди, а не наёмные служащие госкорпорации с ограниченной ответственностью "Семья". И это очень приятно. Это комфортно чисто психологически. До такой степени, что искупает целую кучу недостатков и нелепостей жизни здесь.

Честное слово, я верю, что у нас в доме живёт домовой, оставшийся от прежних хозяев. Русский домовой, добрый. И наши дети верят в это."